

В.В. Шапошникова

«Незнакомка»

— *Что представляет собой по содержанию экспозиция стихотворения (с начала стихотворения до слов «И каждый вечер, в час назначенный...»)? Каково звуковое оформление этого мира?*

Экспозиция стихотворения — это картина пошлого, «страшного мира» (так по-дантовски называется один из циклов Блока). Он рисуется как место невозможное для жизни лирического героя. Способы характеристики этого мира — в основном звуковые. Наличие музыки в мире оправдывает, по Блоку, существующее; здесь же — дисгармония звуков: «окрики пьяные», «детский плач», скрип уключин, «женский визг», крик «пьяниц с глазами кроликов». При этом — глухота горячего воздуха и оглушенность вином героя блоковского шедевра. Экспозиция начинается и завершается криками пьяных, и возникает тема вина («vino»), столь важная для «Незнакомки». Добавим, что эти «ра» в начале («По вечерам над ресторанами...»), рвущие воздух, создают ощущение уверенной силы, какой-то вызывающей основательности существующего.

— *Каково в экспозиции новое содержание, по сравнению со сборником «Стихи о Прекрасной Даме», у слов «дух», «дама»?*

Обращает на себя внимание новое наполнение, по сравнению с первой книгой Блока, слов «дух» и «дама». В «Стихах о Прекрасной Даме» это были обозначения основы мира и властительницы его; в «Незнакомке» «дух» тоже «правит» («окриками пьяными»), но здесь это отвратительный запах весеннего тления, а «дамы», зарифмованные со «шлагбаумами», — пошлые искательницы приключений с «испытанными остряками».

— *Каков «ландшафт» «страшного мира»?*

Существует мнение, что «шлагбаум» — некая граница этого мира, ведь описываются события уродливой жизни «за шлагбаумами». «Канавы» — это, возможно, и каналы, которые являются частью характерного петербургского пейзажа и назывались так в просторечии. Устройство этого мира, кажется, содержит в себе черты ада наподобие дантовского — «котелки»; загород, канавы, озеро; скрип уключин (Харона?); крики, визг, плач; горячий воздух, дух тления над мужчинами, женщинами, детьми... В аду у героя «друг единственный», хотя это лишь отражение себя. Затем, в раю с ним будет лишь она, ему предназначенная. Это напоминает странствие Данте с Вергилием в аду и встречу с Беатриче в раю. «Незнакомку» в этом смысле можно сравнить со стихотворением «Передвечернею порою...» (сентябрь 1906), где тоже имеются «адские» ассоциации: гора, могилы, «корчи ослабевших тел» в канавах, факел в руках «сестры».

— *Как названо в экспозиции небесное светило? Почему?*

Солнце (или луна, месяц), названное в экспозиции не этим высоким в русской поэзии именем, а бессмысленно кривящимся «дискон», довершает картину ужаса и пошлости совершающегося, лишённого смысла, «дикого». Впрочем, в небе этого мира, «над» всем окружающим — над «пылью» и «скукой» — «золотится» иное солнце, это вывеска, «крендель булочной», обозначающий главенство материальных интересов. Заметим, что мир описывается в экспозиции как бы сверху: «над ресторанами», «над пылью переулочной, над скукой загородных дач», «над озером» (особенно показательно последнее: почему бы не сказать «на озере скрипят уключины?»). Это низкий несправедливый мир с кривым светилом. «Диск» «кривится» и ничему не удивляется — он «ко всему приученный».

— *Каким особенным образом говорится в стихотворении об одиночестве лирического героя?*

В этом мире и осужден жить лирический герой, чей «друг единственный» — свое собственное отражение в стакане вина. Страшное одиночество героя подчеркивается его окружением: «рядом у соседних столиков» — «пьяницы с глазами кроликов», существ глупых и плодовитых. Латинский тост в устах этих посетителей загородного ресторана опошлен и увеличивает число режущих слух звуков «страшного мира». Бунт героя против этого мира, как нередко случается в России, тонет в вине. Вином герой оказывается «смирнен» — чтобы не бороться и «оглушен» — чтобы не слышать.

— *Что обозначает постоянство изображенных явлений?*

Ощущение безысходности, повторяемости, адской вечности явлений в мире, изображенном экспозицией, создается формулами «По вечерам» (как в стихотворении «Фабрика»), «И каждый вечер». Однако эти формулы, вместе с особым ритмом стиха, обилием сонорных «н» в этой части («приученный», «единственный», «таинственный», «сонные», и др.) создают и другое ощущение — завороченности, таинственного ожидания, явно обозначающихся к концу экспозиции.

— *Явление Незнакомки и его смысл.*

Появление Незнакомки как-то связано с окружающим ее «страшным миром» — ее приход тоже сопровождается формулой «И каждый вечер»; видимо, невозможность для лирического героя жить в этом мире приводит его с неизбежностью к созданию мечты, идеала. И в самом деле, в ее явлении он сомневается: «(Иль это только снится мне?)». Вряд ли она, такая прекрасная, приходила, притом «всегда без спутников, одна», в этот ресторан. Можно говорить, впрочем, о чудесном преображении посетительницы притона в фантазии одинокого мечтателя (как в гоголевской повести «Невский проспект» девица с Невского превратилась в мадонну). Как бы то ни было, она и ее мир — полная противоположность миру действительному: «тлетворный дух» там — «дыша духами» здесь, «диск» там — «солнце» здесь, «вдали, над пылью переулочной» там — «очарованная даль» здесь, все явно и пошло там — таинственно и завораживающе здесь. Одно и то же слово проявляет в разных мирах разные смыслы: воздух «глух» в страшном мире, то есть непроницаем; «глухие тайны» — это глубокие и волнующие тайны. Мир, который принесла с собой она, — единственный, где может жить лирический герой.

Между лирическим героем и героиней — несомненная таинственная связь: она приходит «в час назначенный», окружающая пошлость ее не касается («И медленно, пройдя меж пьяными...»), ее никто не сопровождает («всегда без спутников, одна»), она рисуется на фоне света и открытого пространства («она садится у окна»), герой ощущает «странную близость» с ней, ему, как рыцарю, дама поручает какие-то «глухие тайны», вручает «солнце», ее перья «качаются» в его мозгу, ключ от сокровища вручен только ему (сказочный мотив героя, расколдовывающего царевну, «закованного» в «очарованной» стране, лицезреющего «чудовище»).

Незнакомка — воплощенный идеал лирического героя, греза наяву, возникшая, возможно, от созерцания реальной порочной красоты. Мотив чудесного сна, являющего истину («снится мне») противопоставлен непроясненности сознания «лакеев сонных». Незнакомка явилась в окружении туманов, и это совсем другая «погода», чем «за шлагбаумами»; ясно, что она — из другого мира. Возможно, здесь дантовский мотив странствия души из ада в рай, в мир туманов, очарованного берега, очарованной дали, солнца, дальнего берега.

— *Особенность портрета Незнакомки.*

Завораживающее движение Незнакомки, чей невинный «девичий стан» (в контраст всему пошло-женскому), «схваченный» шелками (в слове «схваченный» какая-то милая пассивность героини), несет в себе не только волнующую грацию — эти «упругие шелка, И шляпа с траурными перьями, И в кольцах узкая рука», оказывается, «веют древними

поверьями», имеют для героя родной, национальный смысл. Вообще в мире героини прохлады («туманы», «веют»), волнующие запахи («духи») в противовес «горячему воздуху» и «тлетворному духу» действительного мира. Незнакомка дышит «духами и туманами» — уже здесь начинают сливаться ее бытовые и природные характеристики. Далее этот прием укрепляется: за «темной вуалью» — «берег очарованный и очарованная даль» (вместо губ, носа и т. д.). Ее лицо превращается в прекрасный пейзаж — появляется, наконец, солнце, названное своим именем, и сообщается, что «очи синие бездонные Цветут на дальнем берегу». Она принесла с собой мир, единственно необходимый герою. Ее печаль и женственность — в склоненных «траурных» перьях шляпы, ее необычность — в экзотике «перьев страуса». Не забудем, что ее зовут Незнакомка — это имя неизвестного, влекущего, сулящего открытия, будящего доблесть героя. Имеется в стихотворении и пейзаж души героя: говорится, что все излучины его души пронзены «терпким вином», и душа таким образом уподоблена реке. Возможно, кто-то назначил Незнакомке час ее прихода, и ее движение вечно: она появляется «каждый вечер» и «всегда» одна.

— *Как вы понимаете смысл заключительной строфы?*

Местопробывание всего пригрезившегося мира и его воплощенной красоты, Незнакомки, — «душа». Идеал находится в душе — это традиционная мысль русской романтической лирики, начиная с Жуковского, которого Блок назвал одним из самых заветных своих предшественников. «Сокровище», лежащее в душе, отмыкается «ключом» — это, по-видимому, вино, а «чудовище» говорит об опасностях чудесного открытия идеального мира. Фраза «истина в вине», повторенная по-русски и теперь лишенная пошлости, являет собой формулу открытия — истинный мир увиден через вино. Заметим, что в русском языке слово «истинный» имеет почти взаимоисключающие значения: с одной стороны, это «реальный, действительный, бывший на самом деле» («истинное происшествие»); с другой стороны, это «лучший в своем роде, тот, каким должен быть» («истинный друг»). В блоковском шедевре слово «истина» употребляется, скорее всего, во втором смысле, как «идеал», «настоящее, подлинное лицо мира». Слою «вино» тесно связано с дионисийством, пронизывающим второй этап творчества Блока. Некоторые исследователи обращают внимание на совпадение слов «вина» и «вино» в форме «в вине» и таким образом связывают ситуацию вины перед жизнью с открытием истины во время восхождения души героя из ада в рай. Так постигается «незнакомое» и является любовь.